

НОВЫЕ ТРУДЫ О ПЕРЕВОДАХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ¹

Рецензируемые книги — заметное явление в современном славянском языкознании. Они продолжают давно сложившуюся в отечественном и зарубежном славяноведении традицию изучения переводов, осуществленных великими солунскими братьями, и в то же время отличаются от предшествующих трудов новизной теоретических предпосылок, методов исследования и выводов.

В «Предисловии» к первой книге отмечается, что имеющиеся труды, в которых сопоставлены выполненные Кириллом и Мефодием переводы с греческими источниками, обычно лишь устанавливают факт соответствия или, напротив, расхождения. Причины возникновения соответствий и расхождений не рассматриваются. Поставив перед собой задачу выяснения механизма переводческой деятельности славянских первоучителей, Е. М. Верещагин привлекает для исследования только евангельские тексты: «... в зависимости от характера переводимого текста меняется переводческая техника, поэтому нерасчлененное изучение текстов разных жанров не способно привести к непротиворечивым выводам» (стр. 13). При этом принимается схема К. Горалка, дополненная Л. П. Жуковской. Согласно этой схеме, Кирилл и Мефодий сначала перевели краткий апракос, затем краткий апракос был дополнен до четвероевангелия и, наконец, краткий апракос был доведен до полного. Тот факт, что славянские первоучители перевели Евангелие с греческого языка на древнеславянский полностью, дает автору основание рассматривать без различия как апракосы — Саввину книгу (Сав) и Ассеманиево евангелие (Асс), — так и тетраи — Зографское евангелие (Зогр) и Маринское евангелие (Мар). Автор по практическим соображениям ограничивается упомянутыми четырьмя каноническими древнеславянскими тек-

стами, но при этом не отрицает принципиальной важности в текстологическом отношении славянских евангелий региональных изводов и не проводит резкой грани между каноническими и региональными памятниками. Используются приемы компонентного анализа значений, грамматической теории моделей, теории лексической сочетаемости, теории перевода, теории двуязычия и теории языковых контактов. Привлечение современных инструментов анализа помогло автору получить значительные результаты.

В первой главе первой книги подвергается анализу осуществленный Кириллом и Мефодием принцип пословного перевода и выявляются отступления от этого принципа. В связи с этим автору пришлось затронуть проблему слова и рассмотреть вопрос о «словности» предлогов, связок, артиклей и других служебных компонентов текста. Это позволило объяснить кажущиеся нарушения принципа пословного перевода типа *ѡс ѡв дондѣжѣ* и *ѡнаѡѡа* — на *жѡжѡ*. Другие случаи разъясняются при помощи текстологических аргументов. Например, в Ио 6, 58 в Мар, Зогр, Асс греческому *ѡφαρον...* *тѡ μαννα* *ѡτѣ τѣ ѡρθѣ* соответствует *ѡша ... манна* с отсутствующим обстоятельством словом. Однако оно приведено в Мирославовом евангелии — памятнике сербской редакции — *вѣ по-стыни*; следовательно, в первоначальном кратком апракосе — прототипе Мар, Зогр и Асс — налицо пропуск, который был восполнен позднейшей правкой. Имеются и действительные нарушения принципа пословного перевода, которые рассматриваются во второй, третьей и четвертой главах.

В этих главах рассматриваются варианты — переводы разных греческих слов одним и тем же славянским словом и явление обратного порядка — переводы одних и тех же греческих слов разными славянскими словами. В предшествующей традиции (И. В. Ягич, В. А. Погорелов и др.) почти все варианты такого рода объяснялись расхождениями во времени (старший и младший переводы) или причинами территориального характера (переводы произведены в разных областях древней славянской ойкумены). Е. М. Верещагин предлагает объяснения собственно лингвистического характера, основанные на специфике древнеславянского языка сравнительно с греческим. Роль хронологического и территориального факторов при этом не отрицается.

Существенной особенностью метода автора является рассмотрение переводимых слов в контексте словосочетаний. Различаются слова ключевые и зависимые. Переводу в собственном смысле этого термина подвергаются только ключевые слова, зависимые же определяются (пред-

¹ Е. М. В е р е щ а г и н, Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия, М., изд-во МГУ, 1971, 255 стр. (ротапринт); Е. М. В е р е щ а г и н, Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия, М., изд-во МГУ, 1972, 198 стр. (ротапринт); Е. М. В е р е щ а г и н, Из истории возникновения первого литературного языка славян. К проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. Доклад на VII Международном съезде славистов, М., изд-во МГУ, 1972, 50 стр. (ротапринт).

сказываются) ключевыми словами перевода, а не оригинала. Так, греческому сочетанию βάλλον οίνου соответствует в славянском вѣннати вино. При этом вино (ключевое слово) соответствует οίνου по смыслу, а вѣннати вместо вѣметати (как можно было ожидать) появляется в связи с возможностью сочетаемости славянского слова вино.

Во второй главе первой книги рассматриваются варианты перевода ключевых слов типа λίθος — камни, πέτρα — камни, с одной стороны, и τρέφω — натрутити и наптити, с другой стороны. Варианты первого рода квалифицируются как случаи «недодифференциации» в славянском по сравнению с греческим: греч. λίθος имеет смысл «камень» + «небольшой размер», πέτρα имеет смысл «камень» + «большой размер», в славянском же эти различия объективно (а не ввиду недосмотра переводчиков) не выражаются. То же и в случае ἄκρον «конец» + «отнесение к материальным объектам», τέλος «конец» + «отнесение к нематериальным объектам»; в славянском — недодифференциация и одинаковый перевод коньць. Если же одно греческое слово переводится разными славянскими словами, то имеет место обратное явление — «сверхдифференциация» в славянском языке по сравнению с греческим. Так, вместо греческого τρέφω переводчики употребляют в зависимости от ситуации либо натрутити «накормить» + «объект-человек», либо наптити «накормить» + «объект-животное» (в славянском — различие в составе сем, отсутствующее в греческом). Автор приводит много убедительных примеров сверхдифференциации в славянском. При этом он опирается на труды своих предшественников (главным образом, Э. Бернекера и А. С. Львова). Однако Е. М. Верещагин зачастую не отличает компоненты значений (семы) от самих значений (семем) и называет сверхдифференциацией обычную многозначность, основанную на метонимическом или метафорическом переносе. Так, многозначностью греческих слов (а не сверхдифференциацией) следует объяснить соответствия πνεῦμα — душа и доухъ, ἐρωτάω — вѣпрошати и молити и др. Многозначность, как и сверхдифференциация, объясняет нарушения принципа пословного перевода и опровергает попытки истолковать вариативность посредством аргументов лишь хронологического и территориального характера.

Другую группу расхождений автор квалифицирует как вариативность контекстуальных синонимов. Это случаи типа πλῆθος — вѣннати и искрънни, οἶκος — храмъ и домъ, которые предшествующая традиция трактовала также посредством хронологических или территориальных аргументов.

Помимо случаев недодифференциации, сверхдифференциации и контекстуаль-

ной синонимии, имеются, разумеется, случаи одно-однозначных соответствий (например, σταυρός — крестъ). В совокупности все конкретные проявления принципа перевода ключевых слов дают автору основание утверждать, что он основывается на общности сем (стр. 107). Раскрытие внутреннего механизма перевода успешно противопоставляется поискам причин вариативности слов во внутренних по отношению к переводческой деятельности условиях.

В третьей главе исследуется механизм выбора зависимых слов. Здесь автор истолковывает явления, которые казались необъяснимыми И. В. Ягичу: почему, например, ἵνα καρτὸν πολλὸν φέρητε переводится да плодъ много створите (Ио 15, 8; Сав 103а), а не ... принесите (как следовало ожидать в соответствии с греч. φέρητε)? В. А. Погорелов и А. В. Исаченко выдвигали для объяснений подобных случаев лишенную реальных оснований гипотезу латинского влияния. По Е. М. Верещагину, подобные случаи являются вполне нормативными переводами с греческого, осуществляемыми, однако, не по смыслу (как переводы ключевых слов), а по принципу дополнительности словосочетания (что обычно и для современных переводов с различных языков, ср. задать вопрос — *to ask a question, eine Frage stellen*). Нормы древнеславянского языка приводят к тому, что ἀτύω обычно переводится как вастн или принести, но в непереходном употреблении ἀτύωμεν имеем наѣтъмъ (ср. также: τρίτην ἡμέραν ἄγει — третинь дньнъ нмать, Лк. 24, 21) (стр. 121) и т. п. В упомянутых случаях между переводимым словом и его эквивалентом нет общности сем, но она может образоваться тогда, когда требуется приблизить славянскую культуру к греческой. Так, например, глаголы εκπληῖν, ναῖσθαι, ἐπιμεῖν, ἵνα, ἵστημι и мн. др. не сочетались в древнеславянском с абстрактными существительными, такая сочетаемость была заимствована из греческого, в связи с чем образовались фразеологические кальки. Вывод автора и здесь вполне обоснован: в сфере перевода зависимых слов высокое мастерство славянских первоучителей проявилось не менее ярко, чем в сфере перевода ключевых слов.

В четвертой главе обосновывается мысль о том, что формальные элементы (в том числе и так называемые служебные слова), точно так же, как и рассмотренные выше зависимые компоненты словосочетаний, не испытывают воздействия исходного греческого текста. Этим объясняется расхождение предложных и беспредложных форм в исходном и переведенном текстах, проявляющееся в сфере управления. Расхождения свидетельствуют о сохранности славянского управления. Что же касается совпадения управления, то Е. М. Верещагин вслед за А. Сьё-

бергом принципиально возражает против того, чтобы считать его во всех случаях результатом воздействия греческого на славянский. Все же автор признает такое влияние «в переводах, относящихся к специфически греческой (христианской) культуре» (стр. 136). Этот тезис не подкреплен фактическим материалом и звучит неубедительно; то, что представляется очевидным в сфере лексической сочетаемости, не может быть механически перенесено в сферу формальную, синтаксическую.

В этой же главе рассматривается соотношение греческих исходных и славянских переводящих фраз в аспекте их структуры. Структуры фраз изучаются в терминах анализа по непосредственно составляющим. Этот анализ демонстрирует последовательное совпадение структур греческих и славянских фраз. При объяснении данного факта в литературе вопроса говорят обычно о широком влиянии греческого на славянский. Точка зрения Е. М. Верещагина сводится к тому, что «производство речи на разных языках обеспечивается некоторым числом общих для этих языков синтаксических моделей» (стр. 170). В целом это утверждение справедливо: общность синтаксических конструкций греческого и славянского может быть объяснена типологически (наличием синтаксических универсалий) и генетически (принадлежностью к одной семье языков). Трудность, однако, заключается в том, что греческо-славянским схождениям кирилло-мефодиевской поры нередко соответствуют расхождения в переводах, выполненных в Болгарии в X в. Так, если Е. М. Верещагину в Евангелии не встретилось замены субъектной ветви на предикатную (стр. 145), то в Сборнике Клоца мы такую замену находим: *Kān γάρ μορία ἔχουσαν διαφόρα, μνησίχατοι δὴ ὄντες* — аште бо і тѣмъ имамъ доврѣхъ дѣла, гнѣвъ же дрѣжимъ (Кл, 96, 15—16). См. в том же памятнике замену атрибутивной ветви на предикатную: *τῶν ἀγίων φίλημάτων καὶ τοῦ φρικώδεσ-τάτου ἀσπασμοῦ τοῦ πρὸς ἀλλήλους* — стаѣ лобѣзанкѣ · страшнѣаѣ ѿблѣканкѣ · тѣже между собой имамъ (Кл, 96, 4—6). Позднейшие расхождения можно с большой долей вероятности трактовать как проявление славянской синтаксической стихии, а первичные схождения — как влияние греческого синтаксиса на славянский. Таким образом, выводу Е. М. Верещагина не хватает необходимой в данном случае диахронической перспективы.

Автор допускает греческое влияние на славянский синтаксис в области частных языковых моделей (принадлежащих только одному языку из двух). Но при этом проявляется излишний скепсис: «... по отношению к славянским евангельским текстам выявление калек невозможно, ибо «язык евангельских текстов нельзя сравнить с древнеславянским языком до-

кирилло-мефодиевской эпохи» (стр. 171). Однако хорошо известно, что этот недостаток могут восполнить данные живых славянских говоров, а также литературных языков (чешского, польского), испытавших влияние древнеславянского и греческого в минимальной степени. Автор проявляет неоправданную осторожность и в противоположных случаях, — когда он вопреки ряду данных не решается признать исконность славянских конструкций. См., например, *μοῦχάω* — *иѣкъави творити* или *παιτέω* — *иати вѣрж* — соответствия, которые прочно удерживаются во всех без исключения переводах не только кирилло-мефодиевской поры, но и X—XII вв. Нет нужды для объяснения упомянутых соответствий прибегать к неправдоподобной аналогии с сослагательным наклонением (которое в славянском аналитично, а в греческом синтетично) (стр. 142—143). Возникшие в XIV в. под пером митрополита Алексия *μυστικῶσати* вместо *ἐιρηνεῶσати*, *ἀνοδοκτικῶσати* вместо *μοῦχάω*, *λοῦνηστικῶσати*, вместо *σκληνιάζω* — это не «преодоление затруднений» (стр. 143), а всего лишь нарочитая грецизация евангельского текста.

В заключение первой книги автор рассматривает вопрос о билингвизме Кирилла и Мефодия. Рядом безупречных аргументов он доказывает, что билингвизм славянских первоучителей (независимо от их национальной принадлежности) был координативным, т. е. они в одинаковой степени и на очень высоком уровне владели как славянским, так и греческим языком.

Теоретическому аспекту греческо-славянской вариативности в переводах Кирилла и Мефодия посвящена вторая книга. К четырем евангельским текстам присоединяется Остромирово евангелие (Остр).

В первой главе высказывается общий взгляд на варьирование средств выражения в древнейших славянских памятниках. Е. М. Верещагин анализирует обильный и (что очень важно) разнородный материал из евангельских текстов. Автор приводит ряд обычно рассматриваемых в литературе вариантов, которыми памятники противопоставляют себя друг другу (например: *θάρασι* — дрѣзан. Зогр, Мар, Асс, Остр — нади с. Сав). Кроме них, к исследованию привлекается и иное варьирование, которое противопоставляет друг другу только слова, восходящие в определенном месте к одному греческому прототипу, но не памятники в целом (например: Мф 2,6: *ἐξέλαύσαται ἡγοῦμενος* — не тѣби бо изидѣти владыка. Остр, Сав — кождѣ. Асс. Слово владыка, однако, известно Асс: оно содержится здесь наряду с Зогр, Мар, Сав, Остр — в чтении Лк 21, 22). Наконец, приводятся варианты в границах одного памятника. Они возникли, по мнению автора, потому,

что повторяющиеся чтения греческого апракоса переводились дважды (а не просто копировались). Такого же происхождения варианты в параллельных повествованиях тетр. Автор применяет сложную систему доказательств, с помощью которых выдвигаемым обычно внешним причинам варьирования противопоставляется объяснение, базирующееся на внутренней характеристике текста: «... лексическое варьирование — это свойство переводческой техники первоучителей славян» (стр. 61). Таким образом, большая часть вариантов возникла не в результате позднейшего редактирования и переписок, но принадлежит самому протографу.

Во второй главе рассматриваются явления, связанные с творческой индивидуальностью переводчиков, на что прежде почти не обращалось внимания. Е. М. Верещагин различает в древнеславянском евангелии три составляющих: 1) идентичное греческому прототипу. Сюда относятся как тождества генетико-типологического характера, так и нарушающие систему и норму древнеславянского языка кальки. Поскольку кальки имеются, не следовало бы, как это делает автор, называть идентичные места инвариантами. Не лучше ли принять термин «совпадения»? 2) обусловленное системой и нормой древнеславянского литературного языка. Термин «рецептивные» для обозначения элементов этого рода представляется удачным: они возникают независимо от воли переводчиков вследствие своеобразного восприятия (рецепции) смысла; в этом случае язык перевода оказывает сопротивление формальной и семантической структуре оригинала; 3) принадлежащее исключительно идиолектам переводчиков. Это — «информация, которая ни к оригиналу не восходит, ни воздействием переводящего языка не объясняется» (стр. 86). Элементы такого рода автор снабжает не вполне удачным определением «персональные». Среди персональных элементов различаются: 1) разъясняющее добавление слов (Мф 9,2: *παράλυτικός — ослабленъ жилами*); 2) немотивированные рецептивно перенесенные информации (Мф 8,8: *ὅτι τὴν στέγην ἐπέλαθες — да въ домъ мой внидеши, хотя греч. слово *στέγη* обозначает крышу дома, а не весь дом*); 3) относительно произвольные перестройки структуры фраз (Мф 26, 73: *μετὰ μικρόν — не по мѣноу*); 4) «исправления» греческого источника (Мф 24,31: *μετὰ σάλπιγγος φωνῆς μεγάλης — съ гласомъ ваниемъ трѣбаннымъ*); 5) перифразы (Мф 5,44: *ὅτι ἐν τῶν ἐπιδραζόντων ὀμῶς — за творашамъ вамъ напасти*); 6) учет широкого контекста (Мр 5,41: *κρατῆσας τῆς χειρὸς τοῦ παιδίου — емъ за ржж отрочкии*); 7) случаи неадекватных решений переводчиков (ошибочного восприятия греческого текста) (Мф 27,33:

*Γολγοθᾶ, ἔστιν τοῦ Κρανίου Τέπος — голгогота еси естъ нарицаемоу кранию мѣсто, в то время как Синайский евхологий дает адекватный перевод греч. *Κρανίου — лобныя*). Автор приводит ценные сведения об индивидуальном стиле выдающихся мастеров слова. Это уже не техника, а высокое искусство перевода.*

Из приведенных семи разновидностей персональных переводов мы решительно не можем принять четвертую, так как ни в одном из пяти наличных во второй книге примеров не усмотрели «исправления» греческого текста; например, в приведенном случае греческий текст не исправляется, порядок слов в нем соответствует нормам греческого языка, славянский перевод является рецептивным (а не персональным). Трудно считать персональными переводами большую часть образцов пятой разновидности (перифраз). См., например, *ποτήριον ψυχῶν — чаша студены воды*. Это рецептивный перевод, потому что прилагательное *στούδην* не подвергалось по нормам древнеславянского языка субстантивации. Перевод *στούδην* (без воды) был бы ненормативной калькой (инвариантным переводом, по терминологии автора). Рецептивными, по нашему мнению, являются также замены глаголов-универбов перифразами, например, *κολαφίζω — дѣяти пакости*. Такое соответствие встречается не только в Евангелии, но и в другом переводе кирилло-мефодиевской поры — в Апостоле (Кор II, XII, 7 — по текстам XII в. — Христинопольскому и Слепченскому), и в переводе X в. Супр (73,1—2), и русском переводе XII в. «Истории иудейской войны» (II, 14,4). Кроме того, сочетание *дѣяти пакости* встречается в произведениях начала X в., характер которых (переводные или оригинальные?) еще не выяснен — в «Житии Мефодия» (107в, 3—4) и в «Книге тайн Еноха» (XV, 58, 14). Если то или иное греческо-славянское соответствие наблюдается не только в Евангелии, а и в других переводах IX—XII вв., то это важный аргумент в пользу рецептивного характера славянского эквивалента. А тот факт, что данный славянский эквивалент обнаруживается и в древних памятниках, которые есть основания считать оригинальными, — дополнительный и не менее важный аргумент. Здесь приходится опять упрекнуть автора в отсутствии диахронической перспективы и, кроме того, в невнимании к другим переводам солунских братьев.

Третья глава посвящена орфографическому варьированию грецизмов в древнейших славянских текстах. Речь идет, собственно, о произношении литер *ѣ* и *҃*. Основываясь на статистике варьирования *ѣ* с *т*, а *҃* с *н* и *оу* и сливая эти данные с результатами специально поставленного эксперимента (по чтению немцами рус-

ских и русскими немецких текстов), автор приходит к выводу, что упомянутые литеры обозначают не славянские, а греческие звукотипы и что «греческая лексика, вводимая в славянскую речь, в реальном произношении Кирилла и Мефодия была не заимствованной, т. е. адаптированной полностью, а используемой, т. е. сохраняющей формальные признаки греческого языка» (стр. 154). Е. М. Верещагин не довольствуется этими выводами. Привлекая дополнительные данные, извлеченные из готского текста Евангелия, он пытается решить вопрос о реальном произношении «и» и «у».

Углубленный анализ «дублетов» — повторяющихся чтений в апракосах и «корреспондентов» — сходных по языку и содержанию мест тетр является предметом третьей книги. Автор выявляет все без исключения дублетные места в апракосах и указанием на обилие вариантов, соответствующих в каждом случае одному греческому слову, глубоко обосновывает идею изначальности лексического варьирования. Е. М. Верещагину удалось основательнее, чем его предшественникам, выявить обстоятельность варьирования слов и конструкций в «дублетах» и «корреспондентах». Однако это еще далеко не окончательное решение вопроса о причинах варьирования. Если при неоднократном переводе варьировались совершенно тождественные места греческих оригиналов, то это, видимо, следствие правки, производившейся Кириллом и Мефодием. Естественно предположить, что первоучители славян, исполнявшие необычайной важности принятой ими на себя миссии, сличали новые переводы со старыми и сознательно, целенаправленно решали вопросы, связанные

с введением или устранением тех или иных вариантов. Но какие цели преследовались варьированием в каждом отдельном случае? Автор упоминает о том, что варьирование можно объяснить воздействием греческого источника или реперитивным влиянием славянского языка (стр. 17). Следует ли это понимать так, что допущенное вначале греческое воздействие (параскьягма) потом устранялось (патока)? Ответить на этот вопрос предоставляется читателю. Семантическое различие вариантов в «дублетах» и «корреспондентах» исключается. Но как же тогда объяснить варианты типа ити — грасти (Мф 26, 64), вариити на ономъ полоу — вариити его на онъ полъ (Мф 14, 22) и мн. др.? Фактически только «персональные» варианты могут интерпретироваться определенно — как сознательное редактирование текста. Но таких вариантов в представленном материале немного. Вряд ли можно решиться большую часть вариантов в тождественных местах апракосов и тетр отнести за счет бессознательной склонности к разнообразию средств выражения. Присущая древнейшим славянским переводам вариативность нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Все три рассмотренные нами книги подчинены единой цели и по праву носят одно заглавие. Эти три отпечатанные небольшим тиражом на ротапиринте книги следует объединить в монографию, которая послужит развитию отечественной Cyrillo-Methodian'ы, которая в последние годы редко обогащалась столь значительным вкладом.

М. М. Копыленко

«Большой англо-русский словарь». Под общим руководством проф. И. Р. Гальперина, I — А — L., 822 стр., II — М — Z, 863 стр. — М., «Советская энциклопедия», 1972.

Рецензируемый словарь, содержащий около 150 000 слов, является наиболее полным из всех англо-русских словарей, которые когда-либо издавались в нашей стране. Достаточно напомнить, что считавшийся до сих пор наиболее полным «Англо-русский словарь» В. К. Мюллера¹ содержит около 70 000 слов. «Большой англо-русский словарь» превосходит все остальные англо-русские словари не только по количеству слов, но и по тщательности разработки системы их значений. Значительно шире, чем в других лексикографических пособиях, в нем представлена фразеология современного

английского языка, а также специальная терминология различных отраслей знания.

Словарю предпослано обстоятельное «Введение», написанное И. Р. Гальпериним. В нем рассматриваются некоторые общие проблемы лексикографии, принципы выделения словника, отражения в словаре словообразовательной системы английского языка, словосочетаний и фразеологических единиц, сокращений, имен собственных и географических названий. Кроме того, здесь обосновываются принятые в словаре системы грамматических и стилистических помет, указываются принципы, которыми руководствовались составители, давая фонетическую характеристику включенных в словарь слов, группируя в словарных статьях значения многозначных слов,

¹ «Англо-русский словарь», сост. В. И. Мюллер, 14-е изд., М., 1969.